

Отзыв

на диссертацию Евстропьевой Оксаны Владимировны «Региональные эффекты развития международной и национальной системы туризма (на примере Байкальского региона)», представленной на соискание ученой степени доктора географических наук по специальности 25.00.24 – экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

Известно, что правильная постановка задачи является существенной составляющей ее последующего решения. Название диссертации с терминами «региональные эффекты» и «развитие международной и национальной системы туризма» не дают ясного понимания того, чему посвящено исследование и что является его предметом. Специалистам известны, например, научные работы и защищенная два десятка лет назад диссертация А. Ю. Александровой «Территориальная организация социально-экономической системы международного туризма», на которые часто ссылается и цитирует соискатель. И если у Александровой с научной строгостью выделяется «социально-экономическая система международного туризма», то здесь просто вся «международная система туризма». Понятно, что не существует вообще «международной системы» без отраслевого выделения, например, информационной, транспортной, экологической, молодежной, паломнической и т.п. Отсутствие отраслевого выделения сразу лишает смысла использование соискателем термина «развитие международной системы туризма», и тогда не ясно, развитие чего конкретно оказывает «региональные эффекты».

Такой исходный смысловой «вакуум» логично поддерживает и формулировка цели диссертации с намерением «... продемонстрировать, как научные и гуманитарные идеи на глобальном уровне оформляются в концепции управления туристскими территориями и их развития ... меняют географическое пространство ...», а в решаемых задачах не менее экзотические намерения «... на основе системного подхода дать общую характеристику системы международного туризма: параметров и закономерностей ее развития, внутренней структуры и внутрисистемных взаимодействий ... как обоснование применения институционального подхода к многоуровневому рекреационно-географическому анализу туристско-рекреационной деятельности в Байкальском регионе», «... обосновать дивергентный характер развития международной системы туризма ...», «... провести анализ, систематизировать и охарактеризовать наиболее выдающиеся региональные эффекты ... получившие реализацию на побережье оз. Байкал». Но бесполезно искать в тексте диссертации конкретно перечисленные «научные и гуманитарные идеи», и как они «оформились» хотя бы в одну «концепцию управления», и тем более искать в выводах, которых попросту нет в диссертации, а есть только многословное заключение.

В первой обзорной, или теоретической главе попытки определиться с «международной системой туризма» на стр. 17-18 заканчиваются безрезультатно, но с честным признанием соискателя, что он «остается предметом научной дискуссии». Из тупика не выводит семантически нелепое заключение, что «в процессе обсуждения вопроса терминологической взаимосвязи туристского пространства и международной системы туризма вычленяется проблематика отклика территории исследования (региональных эффектов) на ее вовлечение в международную систему туризма». Автор не поясняет, каким образом «вычленяется проблематика отклика ... на ее вовлечение ...», но заметно желание как-то вставить из названия работы термин «региональные эффекты».

Фрагментарную и плохо структурированную обзорную главу с приведенными «терминами» и «моделями», тезисами типа: «разгаданная глобализационная мощь туризма», «для налаживания согласованного управления этой силой потребовалась терминологическая база ...», завершает параграф со странным названием «объяснительные модели», причем это «оригинальное» словосочетание используется только в его названии. Здесь соискатель,

не упокоившись из-за неумения дать определение «мировой системе туризма», совершенно не к месту пытается привлечь известную в науке модель черного ящика, рис. 1.2 (стр. 43), в котором «мировая система туризма», так и не определенная, теперь уже в виде черного ящика трансформирует «рекреационные потребности» в «устойчивое развитие». Простые и понятные обоснования зависимости входного и выходного явления давно известны, поэтому «интерпретация» с черным ящиком просто ошибочна, и отражает непонимание вполне очевидных процессов. Подобное следует отнести к рис. 1.3 (стр. 47), якобы демонстрирующему межтерриториальное взаимодействие на приведенных без требуемых пояснений цветных прямоугольниках и стрелках, где дана примитивная схема типов территориальной организации внутреннего, въездного и выездного туризма. Но автор делает серьезную методическую ошибку, не учитывая, а скорее не понимая или не зная, важных в экономико-географических исследованиях представлений о наличии «территориальной организации», как, например, по Ю. П. Михайлову следует понимать территориальные системы управления (Ю. П. Михайлов. Территориальная организация природы и общества), и поэтому речь должна идти не о «межтерриториальном взаимодействии», а об управленческих связях «территориальных организаций».

В завершение первой главы соискатель упоминает о «терминологических дефицитах» (стр. 53), пытаясь, вероятно, оправдать использование «оригинальных» авторских терминов типа «объяснительные модели» и не к месту вставленного «черного ящика».

Вторая глава продолжает начатый в первой главе обзор с попытками представить функционирование и свойства так и не получившей своего строгого и однозначного определения в первой главе «мировой системы туризма», хотя приводится в качестве определения предельно казуистическая сентенция типа – «сложная природно-социально-экономическая система, функционирующая на основе иерархических межтерриториальных и сетевых взаимодействий, достигающих согласования в институциональной среде ... », имеющая отношение к чему угодно, только не к объекту определения. Все содержание главы легко находится в многочисленных книгах, учебниках и документах, поэтому их обзор почти на 70 страницах текста без аналитических оценок кажется неуместным для квалификационной работы, диссертации. При этом нелепыми и ошибочными становятся «обрамления» очередными собственными «определениями» тривиальной информации об экономических и финансовых показателях из доступных источников. Так раздел 2.3 с названием «Мощность системы ... » наивно определяют мощность как объемы проходящих через систему потоков (хотя из 6 класса физики – это выполняемая в единицу времени работа), и неясно, зачем демонстрировать очевидную неграмотность, если кроме первого абзаца понятие мощности, пусть и ошибочно, больше не используется. Хотя нет, на стр. 74, забыв про физику для 6 класса узнаем, что с «мощностью системы ... тесно связана ее емкость», а еще чуть ниже, забыв о биологии, узнаем, что «... важнейшие лимитирующие факторы – обширность освоенных туристских территорий и их природные возможности ... ». В том же разделе, устав в борьбе с цифрами и графиками соискатель заключает (стр. 73), что «Характеристика экономической эффективности туризма, как в глобальном масштабе, так и для отдельных стран, представляет собой актуальную и невероятно сложную задачу ... ». Вторая глава с учетом приведенных заимствований информации о туризме из многочисленных источников не завершается хоть какими-то выводами, которые принято связывать с поставленными целями и задачами, а «оригинальные» предисловия разделов с примитивными и даже ошибочными рассуждениями о мощности, емкости, динамичности, цикличности, устойчивости следует отнести к совершенно надуманному и незатейливому наукообразию.

Третья глава также продолжается обзором в стиле второй главы, но уже в контексте России. Здесь опять дается исторический очерк, обзор ресурсов и другие общедоступные сведения, занимающие более 50 страниц. Дается обзор рекреационных ресурсов, со ссылкой

на большое справочное приложение 5, графически и таблично представлены данные Ростуризма, Росстата, ЕМИСС. Но и здесь есть «оригинальные», без ссылок на кого-либо, утверждения типа: « ... в общемировом масштабе, можно говорить о двух действующих моделях – массовый (индустриальный) туризм и туризм экологический» (стр. 156), и у соискателя не возникает вопроса, почему экологический туризм не может быть массовым и наоборот, или невероятные сведения типа « ... маршрут «Золотые горы Алтая», протянувшийся на четыре тысячи километров ... » (стр. 158), странно, но это заявлено как бы географом. В публицистическом стиле, и без ссылок (даже на приложение 5) декларируется, что «В настоящее время на территории России действует почти полторы сотни особо охраняемых природных территорий, где для посетителей открыто более двухсот визит-центров и ста музеев природы. Общее количество экологических троп на их территориях превышает тысячу объектов» (стр. 157).

Более серьезные погрешности и ошибки содержат разделы 3.6.3 и 3.6.4. Так на рис. 3.15 (стр. 159) вместо заявленного в подписи развития заповедной системы России даются годы создания ведомств и министерств, управлявших охраняемыми природными территориями, и на фоне такой подмены делается бравурное и безответственное заявление: «Таким образом, являясь структурным элементом международной сети природных резерватов ... заповедная система России активно включилась и в процесс развития экотуризма ... » (стр. 160), но, видимо, только соискателю известно, какая «система» и в какую «сеть» включилась. Упомянуты на той же странице в том же тоне «Концепция развития системы ООПТ», но без анализа проблем ее реализации, закончившейся в 2020 году, и изменения в законе об ООПТ также без анализа, а это принципиально для раздела 3.6.2. Анализ подменяется тезисами о том, как увеличится число и площадь ООПТ к 2024 году по нацпроекту «Экология». Плохо выглядит рис. 3.18 с существенными пробелами (Росстат виноват, даже Ленинградскую область упустил), из-за которых трудно делать выводы о сравнении регионов по ряду показателей ООПТ (финансирование, инфраструктура туризма, посетительские нагрузки), ошибочно называемых соискателем экотуристской деятельностью ООПТ.

Весь повествовательный тон раздела 3.6.3 кратко сведен к лозунгу «С приходом экотуризма в Россию взят курс на вовлечение ООПТ в турбизнес. Каждая из них представляет свой перечень туристских услуг, завязывается сотрудничество туристских компаний и ООПТ» (стр. 167), как итогу длинных и поверхностных рассуждений, недопустимых в научной по форме работы. Но и здесь не без «оригинальности» в виде придуманного соискателем тезиса: «К 2018-2020 гг. международные обязательства РФ по достижению площадных показателей расширения сети ООПТ привели, с одной стороны, к активизации процесса по уточнению границ существующих заповедников и национальных парков, с другой – повышенному вниманию к проблемам населенных пунктов, входящих или вновь включаемых в их границы» (стр. 169-170). Откуда взялись «международные обязательства РФ» неизвестно, так как в ссылках на документы об этом не говорится. При этом очевидно полное незнание проблемы, неумение отличить причины от следствия, не позволяющее соискателю понять, что не требования (пусть и не международные) ведут к необходимости уточнения границ ООПТ, а конфликтные ситуации с населением и администрациями муниципальных образований, а также возникновение в 2004 г. такой государственной структуры как Росреестр недвижимости РФ.

Раздел 3.6.7 дает, наконец, сделанные самим соискателем оценки туристской специализации регионов страны по данным Росстата. Статистику предваряет таблица 3.14, где без какого-либо обоснования сведены «в кучу» совершенно несопоставимые показатели, например, число гостиничных номеров и площадь ООПТ. Дальше в самой статистике, глубину и уровень обработки данных Росстата сам соискатель определяет как «вербальная оценочная характеристика развития: В – высокая, С – средняя, Н – низкая» (стр. 172), трудно

сказать самокритичнее и честнее. На рис. 3.19-3.22 (стр. 174-175) на школьных контурных картах страны тремя оценочными цветами дано развитие: массового туризма, курортного дела, экологического туризма, приема иностранцев. Затоки туризма в регионах могли бы оценить сведения о них в Росстате даже при таком примитивном представлении, где со школьным старанием закрашены даже острова Северной Земли в Ледовитом океане, а развитие массового туризма и курортного дела там имеет оценку «высокое». Гораздо серьезнее демонстрирует несостоятельность и ошибочность столь упрощенного подхода соискателя к анализу статистики рис. 3.23 (стр. 176), где возможные пробелы в статистике Росстата оставили на сводной карте специализации регионов России в «серой зоне» или «без специализации» множество регионов, где из близких нам вполне рекреационно-туристские Тува, Хакасия, Магаданская область, Еврейская автономная область с известным курортом Кульдур. Такие печальные пробелы в знании географии туризма, перекочевали в диссертацию по географии.

Раздел 3.8 продолжает ограниченные попытки соискателя теперь уже по актуализации рекреационного районирования. Использование в качестве основы известной карты для СССР 1975 года, и сопровождение ее длинными и мало относящимися к районированию рассуждениями, привели к составлению карты с заметными границами субъектов РФ, где для Красноярского края дан учет южного и северного районов, а для Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края этого почему-то не сделано. Понимая, видимо, малую значимость своего вклада в карту в сравнении с интересной и более близкой к реальности карты 1975 года соискатель замечает, что «территориальная организация туризма в России унаследовала черты рекреационного районирования СССР» (стр. 184).

Отсутствие значимых результатов третьей главы в ее завершении заменяется итоговыми и далекими от научных констатациями с налетом патриотизма: «Вхождение России в международное туристское пространство ознаменовано трансформацией социально-ориентированной рекреационной сферы в доходную отрасль экономики ... Приход в Россию сконструированной для заповедников и национальных парков модели туризма ознаменовал укоренение экологического императива в туризме ... Туризм в России является динамично развивающейся отраслью экономики ... показателем позитивности социально-экономического курса страны в целом» (стр. 183-184). И это при хорошо известном продолжающемся спаде российской экономики, начиная с 2008 года.

Четвертая глава, практически обзорная, продолжается в том же повествовательном и косноязычном стиле, как видно из первой фразы: «Рекреационным районированием России обширное пространство юга Сибири и Дальнего Востока выделено в рекреационный регион, в состав которого, среди прочих, входит Байкальский рекреационный район ... », но теперь еще и с литературщиной: « ... притягательность Сибири связывается с палитрой достоверных и вымышленных стереотипов – дикая, изолированная от внешнего мира, отдаленная и покрытая снегом обширная территория с немногочисленным населением, красивой нетронутой природой, богатой фауной, мировая кладовая нефти, газа ... » (стр. 185). Раздел 4.1.1 с историческим очерком о Байкальском регионе содержит ограниченную, общеизвестную информацию, а «оригинальной» является фраза о высокой значимости Байкальского региона, связанной с «внешнеполитическими и внутриэкономическими условиями, способствующими развитию в России внутреннего туризма» (стр. 188). Остается только догадываться что это за условия, откуда взялся термин «байкальский неотуризм» (стр. 189), и откуда столько очевидных ошибок и пропусков в табл. 4.1 (стр. 187).

Раздел 4.2.1 представляет ресурсы туризма и отдыха в стилистике не очень качественного туристского путеводителя, где допущены нелепые для географа фразы, например, «самобытная культура проживающих на побережье народов (эвенков, бурят, сойотов, тофаларов, русских старожилов и старообрядцев и пр.)» (стр. 191), или табл. 4.2 (стр. 192) с «выпавшим» Забайкальским краем, или понятные только соискателю словами,

что «большая часть рекреационных ресурсов используется без их прямого изъятия» и «перечни и кадастры достопримечательностей, которые привыкли составлять географы, давно перестали быть статичными ... при необходимости они придумываются и создаются искусственно» (стр.193-194).

Крайне невнятный текст раздела 4.2.3 о земельных ресурсах туризма с фразами типа «их сегменты, большие и малые, как лоскутное одеяло, отличаются друг от друга» (стр. 200), «они характеризуются уникальным историческим прошлым» (стр. 200), «лесная рекреация, логично, должна стать преобладающей, по сравнению с торговлей лесными ресурсами» (стр. 200), и опять ограниченность параметров туристской среды ошибочно названа лимитирующим фактором (стр. 202). Основная в разделе табл. 4.3 (стр. 201) с известными справочными данными по земельным площадям БПТ выглядит лишней, поскольку обсуждать в ней нечего.

В разделе 4.3, посвященном правовому регулированию, основная табл. 4.5 (стр. 205) содержит принципиальные ошибки, поскольку ООПТ на Байкале в основном федерального значения и подчиняются Минприроды РФ, а не министерствам субъектов РФ, за исключением небольших заказников регионального значения: Верхне-Ангарского, Прибайкальского, Энхалукского и Кочергатского, упущены рекреационные местности, не отмечено создание в 2016 г. территории традиционного природопользования сойотов в Бурятии. Продолжением упомянутой таблицы является табл. 4.6 в разделе 4.4, где опять перечисляются ранее приводившиеся постановления и законы, но теперь привязанные якобы к направлениям туристского развития. Очень интересные следствия позволяют сделать построенные по данным Росстата графики динамики роста турпотока на рис. 4.7 (стр. 211) с оксюмороном «затухание роста». Соискатель совершенно безосновательно делает заключение о том, что «замедление роста является предвестником падения, которое закономерно сопровождается явлениями, связанными с ее коренной перестройкой – переориентация на экотуризм на ООПТ» (стр. 211), не понимая, что абсолютный туристский поток испытывал в те годы сравнительно небольшие вариации, связанные, например, с недостаточно полной или достоверной статистикой, что отмечалось и для России в целом.

Вызывает недоумение отсутствие в разделе 4.5 о санаторно-курортных ресурсах ссылок на известные работы Буслова С. П. и игнорирование его карты санаторно-курортные ресурсы (хотя ссылки на его работы в списке литературы присутствуют), на исследования лаборатории медицинской географии Института географии СО РАН и Института земной коры СО РАН, не говоря об уже привычных в тексте географических ошибках, когда вместо старейшего курортного места Дарасуна называется Ямаровка, Забайкальский край, а в табл. 4.12 (стр. 220) отсутствует грязевое лечение в пос. Нагалык, Иркутская область.

Казалось бы, важный раздел 4.6 о туризме на ООПТ посвящен не результатам каких-либо исследований соискателя, а изложению доступных сведений справочного характера и с переводом в таблицы и графики статистических данных. Но принципиальные ошибки и здесь, а фраза об «укрупнении существующих ООПТ» (стр. 228) в связи с созданием объединенных дирекций ООПТ, на самом деле демонстрирует абсолютное непонимание того, что новые дирекции не привели ни к «укрупнению», ни к «созданию новых» ООПТ, оставшихся прежними, а диверсифицировалась система управления ими. Странным кажется большое число пробелов в справочной табл. 4.14 (стр. 229), что показывает отсутствие обязательных для изучающего туризм контактов с упоминаемыми федеральными ООПТ, об этом и без указания источника данные, что «посетительский поток на ООПТ увеличивается в два раза каждые 3 года. Если в 2008 г. он составлял около 20 тысяч посетителей, то в 2014 г. было зарегистрировано почти 90 тыс.» (стр. 230).

Только в продолжение «терминологического дефицита» (стр. 53) раздел 4.6.2 назван «имплементация», поскольку слова «модель экотуризма» в тексте не находят определения, а вместо этого на 5 страницах идет тривиальный обзор реализованных на Байкале проектов

международных и российских общественных фондов и организаций. Никакой «модели экотуризма» нет, а недостаточно корректные в данном случае отсылки к экологическому туризму касаются исключительно устоявшейся в четырех национальных парках практики проведения экскурсий по разрешенным для посещения природным территориям. В разделе неспособность соискателя дать хоть какой-то научный анализ подменяется публицистикой: «протяженность береговой линии Байкала составляет 2 тыс. км, и 70% берега недоступны с суши. Эти участки как магнит притягивают взоры любителей природы. Как в старые времена, на помощь приходят первопроходцы, роль которых теперь исполняют волонтеры – молодые энтузиасты из разных стран, объединённые под флагом некоммерческих общественных организаций» (стр. 236).

Поверхностным выглядит утверждение «несмотря на то, что в байкальском регионе наиболее ярко проявились все проблемы, связанные с вхождением России в международную систему туризма, он стал одним из наиболее значимых направлений, после Москвы и Санкт-Петербурга» (стр. 239), что просто безответственно без перечисления проблем или анализа хоть одной проблемы. В разделе 4.8.1 об этнотуризме снова «географические» ошибки с незнанием термина Восточный Саян (стр. 241), рис. 4.23 (стр. 243) – карта, где объект нематериального культурного наследия ЮНЕСКО должен относиться ко всем «семейским» старообрядческим общинам Забайкалья и в Бурятии, и в Забайкальском крае, а не только к Тарбагатаю, на карте тофалары (№ 15) ушли в Бурятию, а сойоты (№ 14) оказались в Иркутской области, на карте рис. 4.24 (стр. 247 первая, так как их две) не показан № 3 из легенды, № 3 и № 8 одинаковые, из старообрядческих маршрутов указан только Тарбагатай, нет Куналея, Бичуры, Мухоршибири, особенно Красного Чикоя, и одиозный вывод в конце раздела: «Принимая во внимание противоречия, связанные с распространением современных, порожденных западной культурой, технологий этно-туризма, вопрос о его позитивных и негативных эффектах остается открытым» (стр. 247 вторая).

Разделы 4.8.2 о сельском туризме и 4.8.3 об ОЭЗ ТРТ просто и бесппроблемно (как и без научной оценки) излагают общедоступную информацию, хотя следовало бы упомянуть, что в Бурятии проект создания в зоне «Байкальской гавани» горнолыжного курорта «Бычья гора» на сотни тысяч посетителей оказался абсолютно провальным, а в Иркутской области зона «Ворота Байкала» после ряда переносов все еще находится в стадии обоснования. Но вот раздел 4.8.5 о трансграничном туризме вызывает много вопросов, начиная с табл. 4.18 (стр. 258), где не приведено ни одного примера трансграничного сотрудничества, а слова «новое дыхание получил процесс формирования трансграничных особо охраняемых территорий» (стр. 258) просто безответственная декларация, так как процесс уже более десятилетия тормозится ведомствами МИД РФ и ФСБ РФ с пограничными службами, нет кооперации между ООПТ, не заключались новые межгосударственные соглашения, отсутствовали в бывшей Концепции планируемые трансграничные ООПТ (стр. 259). Ошибки содержит рис. 4.26 (стр. 259), где Даурия должна быть показана как трехсторонний объект (Россия, Китай, Монголия), а в целом Российско-Монгольская трансграничная система также включает несколько ООПТ к западу от предложенных на карте. Из-за отсутствия межгосударственного соглашения так и не появилась трансграничная ООПТ между Хубсугульским и Тункинским нацпарком, и то же самое и в отношении Сохондинского заповедника и нацпарка Онон-Бальдж.

Скандалным для диссертационной работы выглядит молчаливое заимствование (попросту плагиат) рис. 4.2.7 из книги (Тункинский национальный парк (карта м-ба 1:700000 // Атлас Республики Бурятия. 2000. С. 29), с пометкой рисунок автора, даже не зная об изменениях в функциональном зонировании с 2017 года. К тому же соискатель не удосужился поместить новые ООПТ к западу от Хубсугула и в среднем течении Селенги, давно изменились границы и функциональное зонирование Хубсугульского национального парка. Либо неумением работать с литературой, либо сознательным игнорированием можно

объяснить отсутствие ссылок по теме на публикации Института географии СО РАН в известных рецензируемых журналах (Kalikhman T.P. Transboundary protected natural territories of the Baikal region // *Ecosystems of Mongolia and frontier areas of adjacent countries: natural resources, biodiversity and ecological prospects*. – Ulaanbaatar: MAS, 2005. – p. 441-444; Калихман Т. П. Природоохранные трансграничные территории Сибири и Дальнего Востока // *География и природные ресурсы*, 2019. – № 4. – С. 22-32; Бардаш А.В., Калихман Т.П. Картографическое обоснование трансграничной территориальной охраны природы в Сибири и на Дальнем Востоке // *Геодезия и картография*, 2020. – № 4. – С. 51-54).

Вынесенное в название диссертации слово «эффекты», наконец, появляется в коротком разделе 4.9. и упоминаются эффекты, якобы связанные с развитием туризма. Основная в разделе табл. 4.20 (стр. 261) приводит взятые из доступных источников сведения. Видимо, только соискателю понятно, а в странице текста не объясняется в чем причина и почему эффект развития туризма ведет к снижению числа санаторно-курортных организаций, числа детских лагерей, числа их посетителей, числа государственных музеев и сотрудников, объектов культурного наследия (при росте ассигнований на них), и при чем здесь рост затрат на содержание ООПТ, или уменьшение числа музеев с сайтами в сети интернет.

Трудно понять, чем руководствовался соискатель, говоря в заключение четвертой главы, что «Байкал является системообразующим ресурсом территориальной туристской системы региона, объединяющей общими целями развития Иркутскую область, Республику Бурятия и Забайкальский край. Географическая и туристско-рекреационная общность территории определяется положением в водосборном бассейне озера Байкал» (стр. 264), видимо не зная о сравнительно малой площади бассейна, приходящейся на Иркутскую область и Забайкальский край, а кроме того, о часто разъединяющей роли Байкала между субъектами, особенно в смысле бюджетного финансирования и частных инвестиций.

Заключительная пятая глава повторяет в слегка измененном ракурсе обзорное изложение компилированного материала, затронутого в предыдущих главах о природно-рекреационных условиях побережья озера Байкал, рекреационных ресурсах климата. Но опять географически небрежно, давая в характеристиках общества и хозяйства население, например, всего Баргузинского района, а на рис. 5.5 (стр. 270) только входящую в ЦЭЗ его часть. И совершенно ошибочное, по нашему мнению, и сделанное без аргументации косноязычное высказывание: «Угроза удара по иркутскому побережью Байкала связана с проектом расширения границ Прибайкальского национального парка, предусматривающего включение (сохранение/возвращение) в его состав не только части акватории и незаселенных территорий, но и населенных пунктов» (стр. 273). Как можно давать в тексте диссертации в виде подобной безответственной фразы непонимание соискателем того, что нет никакого проекта расширения, а есть требование надзорных органов (прокуратуры) по восстановлению границ, или приведению их к заявленным в постановлении о создании национального парка. Хотя возможно, если учесть следующую далее фразу «Механизм правовой охраны озера Байкал образуют как национальные, так и международные элементы» (стр. 273), так что пока Прибайкальский национальный парк соискатель оставляет в покое. Очень длинный раздел 5.1.3 по обзору законодательного и институционального положения озера Байкал, названный «рамочным», без пояснений дает исходный тезис: «Рамочные условия развития туристско-рекреационной деятельности на побережье озера Байкал можно охарактеризовать как жесткие» (стр. 273). Обзор известных документов завершается очередной ошибкой на рис. 5.6 (стр. 274), где прибрежная защитная полоса не может прерываться рыбоохранной зоной. К незнанию закона об ООПТ, или к очередной ошибке следует отнести рассуждение: «... на территориях национальных парков допускается наличие земельных участков иных пользователей и собственников (п. 2 статьи 12 ФЗ «Об ООПТ», введенный в действие в 2018 г.) ... давший ход процессу включения в границы национальных парков России территорий населенных пунктов» (стр. 276), так как

этот пункт в слегка измененной редакции присутствовал в законе всегда. Не менее странным является отсутствие пояснений к рис. 5.7 (стр. 278) и рис. 5.8 (стр. 279) с показанными на графике статданными по Республике Бурятия, если учесть, что на целом ряде территорий не соблюдаются экологические требования, например, нарушение водно-болотных угодий из-за отсыпки грунтов на болота, или наблюдается очень высокая плотность посетителей на пляжах как в Посольском соре-Култушной и Лемасово.

Связанный с описанием видов рекреационных нагрузок раздел 5.2 «оригинально» назван простым словом «овертуризм», а для описания связанных с вытаптыванием нагрузок заимствован термин «шаговые нагрузки» (широко применяемый в оздоровлении для учета числа шагов при пешеходной нагрузке) (стр. 281). Гораздо серьезнее выглядит появление в разделе 5.2.1 по оценке туристских потоков невнятного, лишенного логики и аргументирующих пояснений рис. 5.9 (стр. 283) с алгоритмом принятия решений (кем?), где сразу бросается в глаза противоречие с включением в алгоритм блока с приказом МПР № 83 о так называемых площадных нагрузках, и приведенным ранее на стр. 189 мнением С. В. Рященко о низкой эффективности «пастбищного подхода» (площадного) при оценке рекреационных нагрузок. Алгоритм заведомо не работающий, неизвестны субъекты ряда корректировок, функционального зонирования, наконец, выходных Правил организации туризма (12 ст. закона о Байкале), которые вместе с нормами нагрузок должны быть на входе алгоритма принятия решений. Очевидная несуразица, где не спасают ссылки на использование подходов от 1975 года из «Теоретических основ рекреационной географии» В. С. Преображенского. Усугубляет непригодность алгоритма, сопровождающая табл. 5.9 с отсылками к «фондам ИГ СО РАН» и другим подобным источникам, замыкающимся в итоге друг на друга. Именно поэтому соискатель не может привести в тексте пример оценки предельно допустимой посетительской нагрузки хотя бы для одного известного природного участка на Байкале. Подменяет отсутствие работоспособного алгоритма длинные и крайне разрозненные описания взятых из доступной статистики данных по организованному отдыху, самодеятельным туристам, экскурсантам, экотуризму на ООПТ, зимнему спортивному отдыху, маршрутному туризму (стр. 286-300). Требуемые в статье 12 закона «Об охране озера Байкал» нормы предельно допустимых посетительских нагрузок алгоритм определить не может, а в итоге соискатель предлагает «вегетарианское» его использование «для экологического мониторинга в ЦЭЗ БПТ» (стр. 300) в условиях отсутствия норм. Следует отметить ошибки (стр. 288-291), связанные с недопустимостью существования «рекреационных местностей» на ООПТ, поскольку рекреационные местности – это категория ООПТ, и она не может быть внутри ООПТ иной категории, недопустимостью ссылок типа «фондовые материалы ИГ СО РАН» (не являются публичными), отнесением к восточному побережью Байкальского музея СО РАН и Кругобайкальской железной дороги.

Раздел 5.2.3 вновь обращается к вопросу о посетительских нагрузках на природные территории, с заимствованным названием шаговые и странной ссылкой на В. П. Семенова-Тян-Шанского от 1917 года. Полученные по старой методике дигрессий Н. С. Казанской от 1972 года для лесопаркового пояса Москвы, взятой в свою очередь еще у Р. А. Карпионовой для дубрав лесопарковой зоны Москвы 1967 года, результаты с констатацией уровней дигрессий, упомянутых выше площадных нагрузок за не указанный период в тексте никак не обсуждаются. А поскольку приведены данные для острова Ольхон и берега Малого Моря (без указания точного местонахождения), то у нас вызывает удивление отсутствие сравнений этих данных с давно используемыми у нас в Прибайкальском парке нормами предельно допустимых посетительских нагрузок, определенных по методике предельно допустимых изменений, рекомендованной для Байкала, как и для других объектов всемирного наследия. Очень сомнительна реальная значимость данных по очевидным дигрессиям, не ведущим к точным (численным) показателям предельно допустимых нагрузок. Такую же ценность имеют приведенные в табл. 5.13 (стр. 301) данные полевого учета числа автомобилей в

упомянутых местах нашего парка, даже с оценкой их соискателем как «фатальные». В разделе 5.2.5 о туристской застройке побережья все рассуждения на примерах берега Малого моря демонстрируют вопиющую некомпетентность соискателя в вопросах землепользования, поскольку ни разу не упомянут Прибайкальский национальный парк и земли рекреационного назначения, полностью входящие в его границы. Особенно поражает рис. 5.21 (стр. 315) с фрагментом публичной «кадастровой карты», где продемонстрировано, как некоторое время назад Росреестр недвижимости РФ фиксировал любые подаваемые к регистрации земельные участки без согласования с парком. В настоящее время неправомерное выделение участков в пользование успешно оспаривается Прибайкальским национальным парком в судах. Крайне прискорбно, что соискатель не в курсе этого процесса. На фоне сказанного весьма поверхностными и бессодержательными представляются в разделе 5.3.1 рассуждения об эколого-экономических конфликтах, уровень которых виден из фразы: «как освоение сибирских земель повлекло глубинные преобразования традиционной системы инородческого хозяйства, так вхождение Байкальского региона в международную систему туризма требует целенаправленных действий по урегулированию законодательно-правовых противоречий туристского землепользования» (стр. 318), такая вот «научная» рекомендация.

В разделе 5.4 о вариативности туристского развития вновь, как на стр. 228, ошибочные рассуждения, что с созданием объединенных дирекций «Заповедного Прибайкалья» и «Заповедного Подлеморья» «проведена реорганизация федеральных ООПТ» (стр. 324), но ООПТ остались прежними; не поддаются логике туманные фразы о «важности событий вокруг неутвержденных границ Прибайкальского национального парка ... конфигурация границ имела чрезвычайно важное значение ... » (стр. 327), и дальше по тексту без ссылок говорится о якобы существующих с 2016 года трех моделях развития туризма в Иркутской области – инвестиционной, консервативной и сбалансированной. Никаких моделей с их научным определением в работе нет, а есть пространные рассуждения, например, текст о консервативной модели с краткой декларацией о задаче расширения сети ООПТ излагает историю Прибайкальского парка и обычное обывательское мнение, что «населенные пункты, вошедшие в состав ООПТ ... испытывают значительный правовой пресс ... » (стр. 328).

Текст об инвестиционной модели о том, как «турбизнесом Иркутской области ... озвучивается параметр 5 млн в год» (стр. 330), а далее простыми перемножениями «выполнен прогнозный расчет» (стр. 330), так и не позволивший дать прогноз ни по консервативному, ни по амбициозному варианту, но «аргументом против амбициозного варианта стала высокая чувствительность экосистемы Байкала к антропогенным воздействиям» (стр. 332), как вывод из арифметического расчета гостиничных номеров, и без ответа на свой же вопрос «что нужно сделать, чтобы достичь увеличения туристского потока до 5 млн в год?» (стр. 330). Такая же «глубина» анализа представлена и для сбалансированной модели с учебными дефинициями по туристско-рекреационным зонам, не ясно для чего приводимых, но здесь упоминание важности «нормирования рекреационного воздействия ... » (стр. 335) позволяет указать на безответственность деклараций соискателя о создании Правил (ст. 12 закона о Байкале) (стр. 341), где требуемые по статье нормы так и не были определены по результатам выполнения проекта Институтом географии СО РАН при участии соискателя с громким названием «Нормативы ... » (стр. 389, ссылка № 542). В самих Правилах юридическая несуразность видна из начального пункта, где цель их «соблюдение предельно допустимых норм нагрузок на окружающую среду в ЦЭЗ БПТ», чуть ниже по тексту требует, для достижения цели «определения существующих антропогенных нагрузок на различные территории в границах ЦЭЗ БПТ». По меньшей мере, нелепо выглядит рис. 5.26 (стр. 340) «исправленного» зонирования Прибайкальского национального парка, которое утверждено официально.

Представленные в разделе 5.5 так называемые эффекты развития туризма относятся к «надуманным», особенно после первой фразы о том, что «в Байкальском регионе развитие туризма самым драматическим образом отразилось на природной, социальной, культурной и

экономической среде» (стр. 341), хотя основания не приводятся. Сам перечень названий эффектов, незатейливо компилирован из работ Н. В. Зубаревич, причем без ссылок (хотя гравитационный эффект у Зубаревич идет через теорию П. Кругмана, а кумулятивный эффект через теорию К. Мюрдаля), но само их описание в тексте диссертации дано с полной потерей исходного смысла и сути. Достаточно привести странные заключения типа: «проявляются эффекты, подчеркивающие синергетический характер воздействий туризма» (стр. 341), «противоречия показывают, что система землепользования не является статичной» (стр. 345), «вхождение ... в международную систему туризма требует целенаправленных действий по урегулированию противоречий землепользования» (стр. 345), «прибайкальские населенные пункты вряд ли можно назвать центрами концентрации человеческого капитала» (стр. 347).

Заключение на восьми страницах не содержит выводов, обычных для диссертаций, перечисляемых в порядке решенных соискателем задач. Из нашего отзыва видна причина такого положения, поскольку выводы должны отражать полученные результаты, причем даже для кандидатских диссертаций с категорией «новые», а для докторских – «полученные впервые». Но в заключении нет ни новых, ни полученных впервые результатов, только опять повторение слов о цели исследования: «как научные и гуманитарные идеи на глобальном уровне оформляются в концепции управления туристскими территориями и их развития», но судя по тексту искать их там бесполезно. Наука, как это не банально звучит, это получение нового знания, что и должны демонстрировать диссертационные работы.

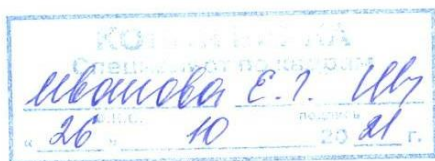
Таким образом, можно заключить, что представленный в качестве диссертации текст на соискание ученой степени не соответствует требуемым ВАК нормам квалификационной научной работы. Диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук О. В. Евстропьевой не может быть оценена соответствующей присуждению ей искомой степени по специальности 25.00.24 – экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

Калихман Аркадий Давидович,
доктор физико-математических наук, профессор,
заслуженный путешественник России,
внештатный сотрудник, ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»,
64050, Иркутск, Байкальская ул., 291-Б. эл. почта: inba@irk.ru , тел. 8 (395) 235-06-15

Таничев Андрей Игоревич,
кандидат биологических наук,
специалист по туризму, ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»,
664050, Иркутск, Байкальская ул., 291-Б. эл. почта: atan_65@mail.ru , тел. 8 (395) 235-06-15

Мы, Калихман А. Д. и Таничев А. И., авторы отзыва, даем согласие на включение своих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного совета, и их дальнейшую обработку.

Подписи Калихмана А. Д., Таничева А. И. заверяю

Подписи Таничева А. И.
Калихмана А. Д.
заверяю